

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию А. С. Матвеевой «Эмоции в письмах поздневизантийских интеллектуалов», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история

Работа А. С. Матвеевой выполнена на экстраординарном уровне. Это бросается в глаза как в силу самого ее двухтомного оформления, так и по существу. Суммируя колоссальный исторический и научно-методологический материал, автор, безусловно, достигает своей цели, да с таким блеском, что заставляет вспомнить славные прецеденты из прошлого – диссертацию Л. М. Баткина (по слухам, объемом около 900 страниц) или Вяч. Вс. Иванова, за которую ему сразу собирались дать степень доктора (а не кандидата) филологических наук. Но не получилось. Будем надеяться, что у автора настоящего исследования всё сложится благополучно, потому что А. С. Матвеева, бесспорно, заслуживает присуждения ей искомой (и даже более высокой) ученой степени.

До сих пор не утратила своей актуальности первая фраза из книги выдающегося шведского филолога Густава Карлсона (1909–1995): «Византийская эпистолярная литература в значительной степени остаётся областью неисследованной»¹. Не в большей степени помогает читателю и краткая статья «Эмоции» А. П. Каждана и Э. Катлера в «Оксфордском словаре по Византии» (1991, т. 1, с. 691–692). Впрочем, в данной сфере в последние лет 30 наметился значительный прорыв, всё ещё не до конца замеченный и осмысленный русским читателем. Данная работа в немалой степени восполняет указанные пробелы. В ней бросается в глаза детальное знание автором современных акторно-сетевых и иных теорий, нашедших распространение и в области византиноведения², в частности, знакомство с тенденцией к «медикализации» нашего знания о культурах поздней Античности³, а также классических источников и научных трудов по византийской культуре, включая культуру эпистолярного общения.

¹ Karlsson G. *Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine. Textes du Xe siècle analysés et commentés*. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1962. P. 3.

² Отразившихся, например, в известной автору работе: Gaul N. *All the Emperor's Men (and His Nephews). Paideia and Networking Strategies at the Court of Andronikos II Palaiologos, 1290–1320* // DOP. 2016. Vol. 70. P. 245–270.

³ В этой связи автору, собравшему и проанализировавшему в работе внушительный объем библиографии, можно всё же порекомендовать удачный этюд: Cook J. D. *Therapeutic Preaching: The Use of Medical Imagery in the Sermons of John Chrysostom* // *Studia Patristica*. 2017. Vol. 96 / ed. M. Vincent. P. 127–132.

Объединяет все эти тенденции и модусы рассмотрения источникового материала *антропологический анализ* (т. 2, с. 149), как видится оппоненту, во многом вдохновлённый не только зарубежными трудами по истории гендера и эмоций, но и наилучшими плодами отечественного византиноведения⁴.

Сказанное позволяет понять актуальность избранной диссертанткой темы. Раскрытие этой темы, выносимые на защиту положения и итоговые выводы – также на высоте (отметим лишь, что «аффективный компонент духовной эпистолографии» (с. 21) – то, как переплетаются в живой ткани письма аффекты и философия с богословием – практически не рассматривался доселе, и уже в самом обращении к такого рода сюжетике следует видеть научный прорыв, осуществленный Алевтиной Сергеевной; сразу же можно говорить о верификации *первого положения, выносимого на защиту* – с. 24). В нашем отзыве мы отметим то же самое и для остальных положений (со второго по шестое). Приступим же к рассмотрению этого яркого и талантливого труда.

Автор исходит из того признанного в научной среде положения, что эмоции (как, добавим, и язык; ср. концепции социолингвистики) – во многом продукт соответствующей социальной или социокультурной среды (ср. т. 2, с. 150). Поэтому в Византии женщине-эпистологу приходилось овладевать техниками контроля своих эмоций, наподобие мужчин (т. 1, с. 103, 193; т. 2, с. 154); и лучшим из этих женщин-эпистографов – таким, как Феодора Раулена – данная процедура удавалась. Перефразируя название книги М. А. Поляковской, можно придать данной диссертации неформальный подзаголовок – «Византия, византийки, византинисты»⁵; последнее слово означает тот внушительный объем научно-исследовательской библиографии, который собран, осмыслен и успешно представлен в диссертации.

Лексика и концептуальное осмысление византийскими эпистологами эмоций, по-видимому (как явствует из анализов диссертанта), обладали относительно

⁴ Автор часто ссылается на работы Т. В. Куш (см. их список в библиографии: т. 2, с. 178–179), а также М. А. Поляковской. В свою очередь, Т. В. Куш в значительной степени вдохновлялась пионерской работой Поляковской: *Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов*. Екатеринбург, 1992; СПб.², 1998. (Византийская библиотека).

⁵ *Поляковская М. А. Византия, византийки, византинисты*. Екатеринбург, 2003.

континуальной (а не дискретной) концептуальной структурой⁶, потому как состояния тела описываются, а рекомендации насчет телесных поз (а не только относительно душевных чувств) включаются, скажем, в переписку митрополита Халкидонского с монахиней Евлогией (т. 1, с. 44; т. 2, с. 142; и др.), т. е. также представлены в эпистолографии. Однако в целом эмоции авторов через телесные позы не описываются (т. 2, с. 153). Отдайте телу – телесное, а душу – Богу... Это в значительной степени доказывает и то, что и сама исповедуемая византийскими авторами антропология – целостная, православная, а не, предположим, бинарная оригенистская, как у Димитрия и Прохора Кидонисов (т. е. нацеленная на чёткое, с ценностной окраской, противопоставление благой души и «дурной» материи и телесности). Между прочим, современные филологи отмечают, что в новейшей (начала XXI в.) литературе одной из важнейших осознаваемых ею потребностей стало «взаимодействие с самим телом автора» (например, в ходе ее чтения, исполнения перформансов по ее мотивам и т. п.)⁷. Итак, это подчеркивание целостности и многогранности византийского православного дискурса важно для сопоставительной культурологии, ибо еще не так давно – каких-то лет 70 назад – Г. Хунгер в рецензии на книгу Х.-Г. Бека вопрошал ученого коллегу, где же та грань, что отделяет в византийском культурном сознании собственно византийское от внешних, пусть даже и античных, напластований⁸... Нам (как и автору) кажется, что без обращения к сознанию византийских женщин этой проблемы не решить. Заметим в скобках, что диалог Бека и Хунгера⁹ (чей классический справочник по византийской литературе высокого стиля активно использовался автором) сам по себе представлял бы увлекательный научный сюжет.

Вообще, автор благоволит к представителям уральской школы византиноведения, опираясь, например, на достаточно известную в свое время (и в принципе) монографию В. А. Сметанина (т. 2, с. 182), – и это заслуживает всяческой поддержки и уважения.

⁶ Выражение «относительно дискретная концептуальная структура» (применительно к лексике ряда естественных языков) см.: Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. Учебное пособие. М., 2011. С. 74.

⁷ Simonetti G. Caccia allo Strega. Anatomia di un premio letterario. Milano, 2023. P. 28.

⁸ Hunger H. Besprechung von: Beck H.-G. Theodoros Metochites. Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München, 1952 // BZ. 1953. Bd. 46. S. 123–127, S. 126.

⁹ К которым можно также добавить С. С. Аверинцева и И. И. Шевченко.

В диссертации сделано многое. Так, показано (на примере переписки митрополита Халкидонского конца XIII в. и его духовной дочери, монахини Евлогии), что: «Функция духовного письма в Византии не сводится к общению или поддержанию социального контакта. В письме такого типа происходит запечатление наставления» (т. 2, с. 143). Раздел о духовной эпистолографии – один из самых сильных в работе. Справедливо подчеркивается синтетичность византийской антично-христианской эмоциональной теории (т. 2, с. 150), как и актуальность для христианина, согласно византийским мыслителям, заботы о правильном использовании эмоций, о наполнении своего эмоционального мира (т. 2, с. 151). Одним из замкнутых эмоциональных сообществ империи (а их, видимо, было больше одного) являлось сословие интеллектуалов – и, скажем это с отчетливостью, интеллектуалок (т. 2, с. 151). «Ученая дружба» и театры, на которых часто выражались «эпистолярные топосные эмоции» (радость, печаль, восхищение и стыд – т. 2, с. 151–152) – часть *интеллектуальных практик* данного сообщества (там же), а также способ *коммуникации* (т. 2, с. 152). Но были эмоции и нетопосные (т. 2, с. 153), выделить которые гораздо труднее. И это – одна из задач на будущее.

Несомненно, что выражение эмоций играло *терапевтическую* роль – как для самих авторов писем, читавшихся в театрах интеллектуалов, так и для аудитории. Полагаем вполне обоснованным и доказанным в работе и содержащее указанную мысль *шестое положение, выносимое на защиту* (т. 1, с. 26).

Обратим внимание на то, что, как подмечала М. А. Поляковская, эстетическое тесно перекликается с эмоциональным: становится понятным, что в свете работы А. С. Матвеевой и её коллег старые работы (скажем, В. В. Бычкова) по истории византийской эстетики оказываются катастрофически устаревшими: само *любование эмоцией* есть переживание эстетическое. Хотелось бы знать, согласна ли Алевтина Сергеевна с таким ходом мысли.

Считаем доказанным вывод (на примере Феодоры Раулены, Ирины-Евлогии Хумнены), что поддержание ученой корреспонденции включало женщину в сообщество византийских интеллектуалов (в целом: т. 2, с. 153), сами же ученые дамы проявляли при этом «мужские» качества (т. 1, с. 26; т. 2, с. 154). В наш век интереса к гендерным проблемам трудно сколько-нибудь нейтрально проконтролировать этот

последний вывод. Отметим, однако, в качестве «контрпримера» сон восьмилетнего св. Константина-Кирилла Философа о браке с прекраснейшей Девой-Мудростью, а также истории о чудесном заступничестве Богородицы и святых жен и дев. Видимо, византийское сознание умело находить и поддерживать баланс в осмыслении гендерной проблематики. Хотелось бы знать, согласна ли Алевтина Сергеевна с этим наблюдением. А мы пока отметим, что диссертантка, раскрыв эту тему, успешно верифицировала *пятое из положений, выносимых на защиту* (т. 1, с. 26).

Нет спора, что старец играл «в монашеской субкультуре» (т. 2, с. 155, ср. с. 60) более заметную роль, чем философ и учитель жизни в культуре античной. Как подмечено автором: «Духовная корреспонденция позволяет выстраивать не только горизонтальную связь между духовником и его чадом, но и связь между Богом и корреспондентами» (т. 2, с. 74). Считаем это одним из главных положений диссертации: люди писали не только и *не столько* для себя (что уже трудно понять нашему эгоцентрическому веку), но прежде всего – служа проводниками воли Божией и, как минимум, принимая во внимание Всевышнего.

Поздневизантийские духовные эпистолографы исполняли все те пять функций духовного отца, что выделяют свв. Иоанн Лествичник и Симеон Новый Богослов, а вслед за ними – митр. Диоклийский Каллист (Уэр) (т. 1, с. 25, 70; т. 2, с. 6, 23–26): они были врачами, советчиками, ходатаями, посредниками и поручителями (например: т. 2, с. 26). Здесь трудно не вспомнить, что посредник (μεσίτης) – обозначение в Новом Завете Иисуса Христа (1 Тим. 2: 5), а также – вслед за Ним – и всякого священника, и тем паче епископа (начиная с ранних веков, как минимум, со св. Иоанна Златоуста). Понятно, что религиозность связывает дольний и горний миры. В работе автору удалось дать почувствовать это дыхание византийской религиозности, огонь веры и жажду подвига (особенно это касается рассмотрения житий св. жен, которые Акиндин рекомендовал читать Ирине-Евлогии Хумнене – т. 2, с. 120 сл., здесь также очень важно наблюдение автора диссертации об *эмоциональной эволюции* святых жен в их отношениях с духовниками – т. 2, с. 121). А также обосновать понятие духовной любви, раскрывающееся в данного рода переписке, тем самым верифицировав *четвертое положение, выносимое на защиту* (т. 1, с. 25–26).

Впрочем, Хумнена из-за нехватки смирения и иных добродетелей как раз-таки не соответствовала модели духовной дочери Акиндина, так что образ самой дамы-эпистолога в данном случае оказывается окрашен в критические нотки (т. 2, с. 130). Опять же, следует заключить, что монахиня Евлогия и Феодора Раулена (две другие женщины – духовных эпистолога, рассмотренных в труде) такой модели соответствовали.

Что касается самих духовников, то, несомненно, осужденный за ересь Акиндин являет собой пример сочетания аскезы и светской учености (т. 2, с. 117), но примечательно то, что – пусть в меньшей степени – это характерно и для св. Григория Паламы, который упрекал Никифора Григору ровно в том, в чем и Акиндин – своих противников-паламитов: в безграмотности, ἀμαθία¹⁰. Споры нет, Палама смотрит на эллинскую премудрость как на сугубо подчиненную Откровению и его данным, однако же, не сбрасывает полностью со счета. Фиксируем у Паламы и развитый слой антично-«культурологической» лексики (θεατρίας, ταῖς κωμωδίαις и др.), с помощью которой он описывает данную ситуацию спора с третьим из главных антипаламитов (после Варлаама и Акиндина).

В работе же Палама неизбежно, в силу избранного автором ракурса, предстает односторонне и под кривым углом – лишь как полемист с чрезмерно разросшимся эпистолярным влиянием Хумнены, которое он, следуя апостолу, считал – в ситуации церковного спора – не женским делом (т. 2, с. 103). Здесь можно высказать общее замечание – думается, вполне понятное автору – о необходимости рассматривать фундаментальные для эпохи фигуры с разных сторон: *audiatur et altera pars*. Данное соображение, периферийное по отношению к содержанию диссертации, не претендует на особую значимость.

Крайне важен вывод автора о том, что понятие πάθη в византийских текстах шире по значению, чем «эмоции» – у него нет четких границ (т. 1, с. 107). Данное слово обозначало и желания, и формы поведения (скажем, грубость); по большей

¹⁰ «Однако Григора, таким вот образом *разыгрывая спектакль* (θεατρίας) из собственной *безграмотности* (τὴν οἰκείαν ἀμαθίαν), развращённости (τὴν δυστροπίαν) и нечестия, а затем, поступая со всей непристойностью [и ломая] бессмысленные комедии (ἐνασχλημονήσας ἐφεξῆς ταῖς ἐκτόποις κωμωδίαις), прибавляет, [обращаясь] к силящимся исправить его (курсив наш. – Д. М.)» (*Gregorii Palamae Contra falsos Gregorae scriptos*, II, 48 // Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Συγγράμματα / ἐπιμ. Π. Κ. Χρήστου. Τ. Δ'. Θεσσαλονίκη, 1988. Σ. 299.6-9).

части оно несет в себе негативные коннотации (т. 1, с. 108). Действительно, с учетом понятий синергийной антропологии С. С. Хоружего (1941–2020) можно сказать, что *πάθη* – это совокупность *антропологических проявлений* личной *гномической воли* каждого из людей, т. е. воли, отклоняющейся от воли Божией – и от естественной воли нашей природы, о чем подробно трактуется в богословии св. Максима Исповедника (и это – еще один из желательных расширительных контекстов для настоящей работы). Хотелось бы узнать, согласна ли в принципе Алевтина Сергеевна с данным рассуждением и предварительным определением.

Главная тенденция в развитии византийских писем и эпистолярных коллекций, по мнению автора, – литературизация (т. 1, с. 168), т. е. обрастание текста письма чертами *литературности* (в смысле формалистов и Якобсона); быть может, можно было бы дополнить – дополнительная *семантизация*, игра подтекстами, интертекстами и метатекстами; указание на «эпистолярный церемониал» (там же) было бы интересно сравнить с положениями Д. С. Лихачева об этикетности древнерусской литературы.

Говоря о выраженных в письмах эмоциональных топосах, автор дает им определение: эпистолярные топосы – «особые коммуникативные инструменты, которыми интеллектуалы пользовались для создания и укрепления связей между собой» (т. 1, с. 178), «детерминированные текстуальные выражения эмоций внутри эмоционального сообщества интеллектуалов» (там же). Однако топосы могли и нарушаться, в связи с чем автор дает и более, пожалуй, точное их определение – «набор текстуальных моделей для выражения эмоций... с целью успешной коммуникации с представителями своего эмоционального сообщества» (т. 1, с. 181). В связи с чем – вопрос: допускало ли это элитарное сообщество *в принципе* проникновение в свои ряды лиц, стоявших на среднем уровне культуры (как Алексей Макремволит)?

Однако заметим, что автор обосновала важность (и эффективность предлагаемых ею способов) анализа «риторического инструментария» писем (с. 24), а также раскрыла значимость модели духовного наставничества для духовной эпистолографии, – тем самым обосновав *второе положение, выносимое на защиту* (с.

24–25). А заодно и *третье* – о двух парах эпистолярных антиномий, выраженных в письмах (радость–печаль; восхищение стилем корреспондента – стыд за собственную, так сказать, бесстильность) (с. 25).

Бесстильности, конечно, не было – это стандартная в данных случаях маска (или уловка); в недавней (2024) монографии Я. Полемис¹¹ попытался (не очень, впрочем, успешно) показать, будто всё творчество Феодора Метохита (1270–1332) было не чем иным, как постоянной сменой масок, без раскрытия собственного Я. Но нам думается, что это Я просто надо уметь видеть, в том числе и путём применения новых научных методов (например, истории эмоций) – так, как это делает Алевтина Сергеевна.

Можно отметить буквально единственную неточность в переводах с греческого, которую удалось выявить оппоненту. На с. 110 (т. 2) стандартное святоотеческое выражение «навык добродетели» (τῆς ἀρετῆς τὴν ἑξίς) передается как «способность к добродетели»; впрочем, возможно, автору был важен этот семантический нюанс потенциальности.

Из крошечных недостатков диссертации отметим не вполне верную передачу имени патриарха Исидора Вухира (Вухирас, т. 1, с. 137), а также именование сирийских еретиков-мессалиан массалианами (т. 1, с. 134).

Автору удалось, выполнив поставленные перед собой цели исследования (т. 1, с. 17–18), вписать эмоции – в модусе их раскрытия в текстах – «в широкий контекст византийской интеллектуальной и духовной тысячелетней культуры» (т. 2, с. 161), тем самым доказав их необычайную значимость для средневекового человека. В византийской эпистолографической среде сложно переплетались идеалы аскезы и более традиционной, научно-литературной и мыслительной креативности (яркий пример тому – оставшийся в целом за пределами работы Феодор Метохит¹²). Ряд жанров располагались, образно говоря, «на перекрестье» исихазма и гуманизма, и как раз эпистолография – яркое тому подтверждение. Поэтому и изучать ее необходимо комплексными методами, что и удается автору.

¹¹ Polemis I. D. Theodore Metochites. Patterns of Self-Representation in Fourteenth-Century Byzantium. London etc.: I. B. Tauris, 2024. (New Directions in Byzantine Studies).

¹² Ср.: Макаров Д. И. Заметка о Каждане, Феодоре Метохите, свободе и неаполитанской школе византиноведения // Русско-Византийский вестник. СПб., 2023. № 4 (15). С. 202–206.

Сделанные нами микроскопические замечания и поставленные вопросы не умаляют глубоко положительного впечатления от этой прекрасной диссертации, соответствующей всем требованиям, которые мировое научное сообщество предъявляет к исследованию подобного рода (а в ряде отношений и превосходящей эти требования). Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Реферат диссертации подробным образом раскрывает ее содержание. Содержание диссертации соответствует специальности 5.6.2. Всеобщая история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова; кроме того, оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель – Матвеева Алевтина Сергеевна – заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Официальный оппонент:

Доктор философских наук,
доцент, зав. кафедрой общих
гуманитарных дисциплин
профессор ФГБОУ ВО
«Уральская государственная консерватория
им. М.П. Мусоргского»

МАКАРОВ Дмитрий Игоревич

12.05.2025

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

09.00.03 – История философии

Адрес места работы:

620014, РФ, г. Екатеринбург, просп. Ленина, д. 26,
Уральская государственная консерватория им. М. П. Мусоргского, кафедра общих гуманитарных
дисциплин
Тел.: +73433712180; e-mail: mail@uralconserv.org

Подпись сотрудника Уральской государственной консерватории Д. И. Макарова удостоверяю:

12.05.2025